

НОВЫЕ ГРАЖДАНЕ РОССИИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАЕКТОРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ И АДАПТАЦИИ

И. В. Самаркина, Т. Т. Гогишвили

Самаркина Ирина Владимировна

Эл. почта: smrkn@mail.ru. ORCID 0000-0001-8458-2447

Гогишвили Тамара Теймуразовна

Эл. почта: toma.gogishvili.84@mail.ru. ORCID 0009-0008-0982-2023

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты исследования процессов трансформации политической картины мира взрослых жителей новых территорий России, принявших российское гражданство после 2014 г. В основание теоретической модели, используемой авторами, легли политико-психологический, идентитарный и пространственный подходы. В авторской интерпретации политическая ресоциализация трактуется как процесс изменения ядра (представлений о Родине, государстве и власти) и базовых (ключевые когнитивные, аффективные и поведенческие установки относительно политической системы) компонентов политической картины мира, формирующихся в процессах первичной политической социализации под влиянием многоуровневой системы факторов и институтов. Эмпирическую базу исследования составили 30 глубинных автобиографических интервью с гражданами РФ, получившими российское гражданство после 2014 г., проживающими на территории субъектов, вошедших в состав России после 2014 г., исследование проводилось в рамках государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук в рамках государственного задания FZEN-2024–0013). Авторами определены и описаны три траектории изменения политической картины мира: цикличная политическая ресоциализация, линейная политическая ресоциализация, политическая адаптация без политической ресоциализации.

Ключевые слова: политическая ресоциализация, политическая социализация, политическая адаптация, политическая картина мира, новые граждане РФ.

Для цитирования: Самаркина И. В., Гогишвили Т. Т. новые граждане России: опыт исследования траекторий политической ресоциализации и адаптации. *Южно-российский журнал социальных наук.* 2025. Т. 26. № 2. С. 53–71.

Постановка проблемы

Последнее десятилетие для граждан многих стран стало временем глобальных динамичных перемен, которые приводят к существенным изменениям установок относительно власти и политики. Причем эти тенденции характерны не только для граждан, сознательно или вынужденно меняющих гражданство в результате присоединения новых территорий к России, но и в целом для населения России, а также политических представлений и установок людей во многих других странах¹.

Таким образом, мы становимся свидетелями, а исследователи получают уникальную возможность понять, как связан микромир человека, его представления и установки с окружающим его миром социальным и политическим. Следует

¹ Россияне о России. Аналитический обзор ВЦИОМ. 17 августа 2023 г. Режим доступа <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossijane-o-rossii>

отметить, что столь масштабные геополитические и внутривнутриполитические трансформации и их отражение в политической картине мира граждан российские ученые исследовали в конце XX в., в период постсоветских трансформаций, и этот описан в научных публикациях (Шестопал, 2005; Шестопал, Зверев, Селезнева, 2008). Вместе с тем нынешняя ситуация, с учетом изменившихся геополитических и внутривнутриполитических факторов, стала причиной иной по траектории ценностной динамики общества, имеет другой масштаб и вектор изменений.

Указанная проблема требует обдуманного, дифференцированного и сбалансированного подхода к выбору технологий конструирования и реализации целого спектра политик: образовательной политики, в фокусе которой находятся дети и молодежь, социальной политики и политики идентичности, в фокусе которых представлены все группы населения, инфраструктурной политики и подготовки кадров для работы в системе управления новых территорий.

Таким образом, социальная проблема заключается в необходимости формирования конвенциональных и конструктивных установок граждан (в том числе бывших граждан Украины) относительно политической системы в условиях динамичной трансформации политического пространства РФ, многоуровневых и многовекторных процессов политической социализации и политической ресоциализации. Научная проблема, лежащая в основе исследования, состоит в необходимости разработки объяснительной модели трансформации политической картины мира личности в трансформирующемся социуме.

Степень изученности проблемы в научной литературе

В работах отечественных и зарубежных авторов большое внимание уделено человеку и его политическим представлениям и их динамике под влиянием внутренних и внешних факторов.

Отдельно отметим исследования политической социализации, традиция которых сложилась и продолжает развиваться с 1960-х гг. по настоящее время (Шестопал, 1988, 2000; Головин, 2009; Самаркина, Башмаков, Кузьменко, 2024).

Анализ научного дискурса по тематике ресоциализации позволяет выделить несколько ключевых исследовательских сюжетов, отражающих специфику и многоплановость происходящих процессов.

Ресоциализация как трансформация социальных установок исследуется в рамках социальных наук. П. Бергер и Т. Лукман определяли ресоциализацию как процесс, в котором на базовые представления накладываются новые взгляды и модели поведения (Бергер, Лукман, 1995). Ресоциализацию как процесс поиска баланса между социальной системой и внешними факторами и процесс адаптации изучал Г. Спенсер (Царегородцева, 1975). Социальную адаптацию в контексте трансформации социальных норм рассматривал в работах социолог Э. Дюркгейм (2019). Т. Парсонс (2008) изучал ресоциализацию во взаимосвязи с освоением индивидом новых социальных ролей, а также через возможность реализации потребностей и интересов индивида и отдельных социальных групп в рамках формирующейся новой системы (Кузнецов, 2000). Р. Мертон (2006) отмечал несколько способов приспособления индивида к изменениям социальной системы (ретритизм, ритуализм, инновация, конформизм и мятеж). Э. Гидденс исследовал процессы разрушения усвоенных ранее ценностей и их трансформацию в новые социальные представления в условиях реконструкции современности и перехода к обществу модерна, задающего инновации и новый

смысловой контекст (Гидденс, 1995). Т. Шибутани (1998) и Г. Блумер (1984) описывали феномен социальной адаптации к новой системе во взаимосвязи с приспособительными реакциями индивида, которые обуславливают установление равновесия на групповом и межгрупповом уровнях. Современные исследования ресоциализации в области социальных наук сегодня ориентированы на интегративный подход, соединяющий объективные и субъективные факторы (Лемишак, 2014).

Психологический аспект процессов ресоциализации исследуется как реакция приспособления личности к новым условиям существования, выстраивания взаимоотношений с социальной средой и адаптации к ней с позиции психофизиологических параметров (А. А. Реан, А. Р. Кудашев, А. А. Баранов (2006)). Ресоциализация как динамичный феномен исследуется в рамках феноменологического направления психологии (К. Роджерс (2013), А. Маслоу (1999)).

Представители гуманистического направления социальной психологии (У. Томас, Ф. В. Знанецкий) фокусируют внимание на критериях ресоциализации, степени интеграции личности и среды. Ж. Пиаже отмечал процессы ассимиляции и аккомодации как составляющие ресоциализации (Пиаже, 1969). Ресоциализация как переключение фокуса внимания индивида на следование санкционированным общественным объектам с использованием защитных механизмов психики в ответ на возникающие вызовы социальной среды и конфликтные ситуации определяется представителями психоаналитического подхода (З. Фрейд (1989), А. Адлер (2003)).

Ресоциализация как процесс трансформации правовых установок исследуется в юридической традиции, в которой переход от принудительного правомерного поведения к собственной стратегии добровольного правомерного поведения служит примером эффективной ресоциализации, в ходе которой человек опирается на свои убеждения и самостоятельно осваивает нравственные и правовые положения (Э. Фромм (2006)). В поле правовых исследований ресоциализации выделяют два фундаментальных подхода к осмыслению этапов ресоциализации: пенитенциарный, протекающий в период отбывания наказания, и постпенитенциарный, включающий в себя адаптацию к социальной среде после освобождения (М. И. Еникеев, О. Л. Кочетков (1982), Н. А. Крайнова (2002), Ю. А. Алферов (1994), М. Миклашевич (2017), Н. А. Стручков (1984)). Интересно, что В. Е. Южанин к данной категории этапов также относит допенитенциарный, утверждая, что все стадии взаимосвязаны единым объектом и целью предупредить девиацию и сократить ее последствия (Южанин, 1992).

Ресоциализация в поле политических исследований. В политической науке сложились два основных подхода к изучению ресоциализации как модели политической социализации, опирающихся на междисциплинарные исследования, — традиционный (Г. Олпорт (1961), А. Маслоу (1999), К. Роджерс (2013)) и трансформационный (Ф. Шмиттер, Г. О’Доннелл (1986)).

Отечественные исследования ориентированы в первую очередь на осмысление процессов в постсоветской России (Бродовская (2012), Милорава (2017)). В самом масштабном из них показано, как граждане усваивали новые ценностные ориентации и образцы поведения, адаптировались к социокультурным, экономическим и политическим изменениям в обществе, предлагавшем новый контекст развития (Е. Б. Шестопал (2005)). Теоретико-методологические основы исследования феномена политической ресоциализации и подходы к ее содержательному изучению систематизированы И. В. Самаркиной (2006).

Методология и методы исследования

Исследование процесса и результата политической ресоциализации в контексте трансформирующегося политического пространства требует интеграции нескольких методологических подходов.

Политико-психологический подход (Э. Эриксон, Р. Харре, Е. Б. Шестопал, А. В. Селзнёва, Т. В. Евгеньева, А. Л. Зверев, Т. Н. Пищева и др.) в контексте исследования процессов политической ресоциализации необходим для осмысления содержания, результатов, институтов, технологий и факторов политической ресоциализации в ситуации кардинального изменения всей модели политической социализации и формирования нового политического пространства в новых субъектах Российской Федерации. Аналитический и эмпирический инструментальный политико-психологического подхода позволяет выявить структуру и осмыслить содержание политической картины мира (И. В. Самаркина (2017)) взрослых граждан РФ, составляющей когнитивное ядро формирования гражданской идентичности.

В этом контексте важным слагаемым концептуальной модели является также идентитарный подход, который позволяет держать исследовательский фокус на главном результате процессов ресоциализации — формировании российской гражданской идентичности новых граждан. Идентитарный подход означает применение концепта гражданской идентичности и выяснение его взаимосвязей с концептами национальной, региональной (субнациональной) и этнической идентичности для осмысления политических процессов. В интерпретации авторов исследования гражданская идентичность состоит в самоидентификации индивидов с политической культурой макросообщества и социальными институтами, прежде всего с институтом гражданства, определяющим индивидуальный политико-правовой статус. В основе гражданской идентичности находится усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности (Д. Харт, К. Ричардсон, Б. Вилкенфелд, Л. М. Дробижева, В. А. Тишков, И. С. Семенов). Гражданская идентичность объемлет собой не только политическую, но и этническую, и эмоциональную составляющие; она формируется в результате процессов целенаправленной социализации и ресоциализации индивидов, а не только их стихийного жизненного опыта.

В рамках концептуальной модели предлагаемого исследования в равной мере важен концепт политики идентичности. Она расценивается нами, прежде всего, как система целей, принципов, направлений и мер органов государственной власти и негосударственных субъектов политики по формированию и укреплению национальной, гражданской и иных идентичностей. Институциональными основами политики идентичности являются символическая политика, политика в сфере образования и культуры, языковая политика, политика памяти. Практики и стратегии политической ресоциализации в предлагаемом проекте будут рассматриваться как часть государственной (публичной) политики формирования гражданской идентичности новых граждан РФ.

Еще одним компонентом концептуальной модели исследования процессов политической ресоциализации является пространственный подход как методология анализа, позволяющая учитывать процессы трансформации политического пространства как значимый контекст актуальных социально-политических

процессов. В исследовании мы опираемся на интерпретацию политического пространства как «поля политики» (П. Бурдьё), фиксирующего дистанции и различия в политических отношениях.

Для исследования политико-психологического контекста расширения политического пространства важна также интерпретация последнего как пространства интерессубъективного (А. Шюц), то есть существующего только благодаря способности людей формировать общую картину мира как в объективной реальности, так и в субъективном пространстве политики. В этой связи важно отметить, что способом существования интерессубъективного по своей природе политического пространства является коммуникация, а его содержание определяется совокупностью символов, его составляющих, маркирующих пространство и указывающих участникам место в политической иерархии.

Изменения политического пространства (например, его расширение, трансформация) требуют специального процесса «обучения» ориентации в политическом пространстве не только для новых поколений участников политической жизни (молодой когорты), но и для всех «взрослых поколений», поскольку локализация индивида в политическом пространстве связана с формированием когнитивных конструкций (мы / они), т.е. формированием картины мира и идентичности и необходимостью адаптации этих конструкций в связи с изменениями всего мира политики.

В авторской интерпретации политическая ресоциализация трактуется как процесс изменения ядра (представлений о Родине, государстве и власти) и базовых (ключевые когнитивные, аффективные и поведенческие установки относительно политической системы), формирующихся в процессах первичной политической социализации, компонентов политической картины мира под влиянием многоуровневой системы факторов и институтов.

Цель исследования — выявление основных траекторий политической ресоциализации взрослых новых граждан России на основе собранных эмпирических данных.

Эмпирическую базу исследования составили 30 глубинных автобиографических интервью с гражданами РФ, получившими российское гражданство после 2014 г., проживающих на территории субъектов, вошедших в состав России после 2014 г. Исследование выполнено в рамках государственного задания «Стратегии и практики политической ресоциализации новых граждан в условиях расширения политического пространства РФ» (2024, конкурс Экспертного института социальных исследований в сфере общественно-политических наук, Министерства образования и науки РФ, Российской академии наук в рамках государственного задания FZEN-2024–0013).

Обсуждение результатов

На основании анализа транскриптов глубинных интервью определены три основные траектории изменения политической картины мира новых граждан России: *возвращение в свою страну (моя страна — СССР / Россия), принятие новой страны (моя страна — Украина / Россия), политическая адаптация (моя страна СССР / Россия осталась прежней)*, две из которых отражают изменения ядра политической картины мира — представлений о своей стране, т.е. описывают происходившие и / или происходящие процессы политической ресоциализации;

а последняя является примером адаптации политической картины мира в разных политических системах, не затрагивающей ядро политической картины мира.

Цикличная политическая ресоциализация (возвращение в свою страну)

Эту траекторию изменения политической картины мира демонстрируют информанты, период первичной социализации которых приходился на последние десятилетия существования советской политической системы (1960-е-1980-е гг.): *«Родилась я, и молодость моя прошла в Советском Союзе, а потом у нас родилась независимая Украина»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Первичная политическая социализация представителей этого поколения проходила в «счастлимом советском детстве», в семье, в которой оба работающих родителя являются несомненными авторитетами для детей, с активным участием старшего поколения — бабушек и дедушек: *«Главным авторитетом в семье был дед, он не состоял в партии, но его слово и его правила в семье были законом... Он никогда нам, внукам, не рассказывал о войне, хотя мы очень просили... Говорил: я прошел всю войну, вернулся раненый с осколком в легком, и я это сделал для того, чтобы вы не знали, что такое война... его ценности были — порядок в семье, не нарушать заповеди и не нарушать законы... а когда говорили (в анекдотах, например) “хохол”, “кацап” — он всегда злился и говорил, что есть нормальные слова “украинец”, “русский”...»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Советская школа заложила базовые представления о политической системе: *«Школа была советская, поэтому о политике в ней говорили и на истории, и на английском языке... были политинформации — такие пятиминутки о важных политических событиях»* (женщина, 1967 г.р., Антрацит, ЛНР); *«В школе политика была неотъемлемой частью, я, наверное, и сейчас помню всех генеральных секретарей»* (женщина, 1972 г.р., Донецк), и формировала устойчивые представления об истории страны и ее ценностях: *«Мы с 5-го класса ездили по всему Союзу: Ярославль, Москва, Ленинград, Рига, Севастополь как награда за наши достижения, по всей большой нашей стране ездили»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Представители этого поколения были активными участниками советских детских и юношеских общественно-политических организаций (октябрят, пионеры, комсомольцы) и, как правило, демонстрировали активную субъектную общественную позицию в юности (председатель пионерской организации, комсорг, староста): *«Конечно, в моем детстве были октябрят, пионеры, комсомольцы. Я была председателем пионерской и комсомольской организации в школе»* (женщина, 1967 г.р., Антрацит, ЛНР).

Своей страной (Родиной) в детстве представители этого поколения считают Советский Союз: *«Родилась я в РСФСР, в Пермском крае, своей Родиной считаю СССР, все 15 республик»* (женщина, 1972 г.р., Донецк), а свою жизненную траекторию большинство из них описывает как возвращение в СССР, на основе одной из главных для этих людей ценности — интернационализма, равенства, уважения культуры каждого народа: *«У нас в школе национальный вопрос не стоял. Я не знала этого, я была комсоргом, мы сдавали статистические данные, где указывали национальность, но это было на бумаге, и я только оттуда узнала, что в нашем классе 42 ученика тринадцати национальностей»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Ключевым политическим событием, повлекшим за собой изменения в политической картине мира, представители этого поколения считают 1991 г. — распад

СССР, который информанты по-разному в тот момент рефлексировали, но во взрослом возрасте однозначно оценивают негативно: *«Я хорошо помню этот момент, это было одно из моих первых голосований. Я была в числе тех, кто голосовал против распада СССР... Они таким острым лезвием резали по живому, когда одна семья, одно государство вдруг стали разными, по разные стороны границы»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Политическая адаптация (а для некоторых — политическая ресоциализация) в новой политической системе, политической системе Украины для информантов происходила практически безболезненно до начала 2000-х, однако политические события после оранжевой революции 2004 г. значительно повлияли на изменения политической картины мира информантов: *«У нас в семье мама — украинка, папа — донской казак, а я теперь замужем за болгаринном, что делать дочери, у которой в крови как минимум три национальности? Поэтому мы встали на сторону русской волны, против национализма. А когда начались военные действия Украины против нас, помогли тем, кто был на передовой»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Представители этого поколения не планировали смену гражданства в юношеском возрасте. В зависимости от региона проживания они изменили гражданство в 2014 (получив паспорт ДНР или ЛНР) или позже: *«Мы думали, что это все далеко и нас не особо касается, пока все было в Киеве... Но потом розовые очки были сняты»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР). Решение о смене гражданства для всех участников исследования было обдуманым и добровольным.

Эмоциональный контекст смены гражданства характеризуется позитивными эмоциями, участники исследования характеризуют эту траекторию как «долгожданное возвращение домой»: *«Изменение гражданства в 2019 г. было фактом, закрепившим выбор, который сделали гораздо раньше. А все не согласные с этим выбором уехали в Украину или Европу сразу в 2014»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

В зависимости от места проживания (западная или центральная часть Украины) других членов семьи, участники исследования отмечают наличие конфликта в семье после начала СВО: *«Есть родственники и были друзья в Харькове и в других городах, западнее... Когда Украина начала против нас АТО — звонили, писали нам, жалели нас. А когда Россия стала нас защищать и досталось Харькову и Сумам, почему-то мы стали предателями»* (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Нынешняя политическая картина мира представителей этого поколения содержит достаточно системные знания о политике, политической системе России характеризуется высоким уровнем доверия к самой системе и ключевым политическим фигурам. Ценностными доминантами являются мир, патриотизм, развитие и стабильность; есть ярко выраженная субъектная позиция: *«Сейчас без политики, без своего взгляда и своего участия никак нельзя, просто не возможно»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Своей страной в настоящее время представители этого поколения считают Россию (как реинкарнацию СССР): *«в реку два раза не войти и Советский Союз больше не наступит, конечно... но теперь есть уверенность в защищенности, которая была тогда, в СССР, и будет теперь, в России»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР). Пространственный аспект восприятия своей страны можно описать как «закономерное собирание ранее незаконно уничтоженной страны».

Таким образом, на протяжении жизненной траектории этого поколения выявлены как минимум три этапа существенных изменений политической картины

мира, касающихся содержания идентитарного ядра (представлений о Родине, власти, государстве): 1) постсоветский (после 1991 г.): *«Гласность и перестройка нас всех шокировала»* (женщина, 1972 г.р., Донецк); 2) этап «оранжевых» трансформаций (2010-е гг.), 3) современный (в зависимости от региона проживания — 2014, 2022): *«Я ухитрилась быть гражданином четырех государств не сходя с места. Я счастлива, что теперь я в России»* (женщина, 1965 г.р., Антрацит, ЛНР).

Эту траекторию трансформации политической картины мира мы определяем как цикличную политическую ресоциализацию, в результате которой происходило неоднократное изменение представлений о своей стране, власти и государстве, в процессе которого нынешняя конструкция ядра политической картины мира устойчива, характеризуется возвращением к представлениям о своей стране, власти и государстве, сформированным на первичном этапе политической социализации с рефлексией актуального политического контекста.

Линейная политическая ресоциализация (принятие другой страны как своей)

Эту траекторию трансформации политической картины мира демонстрируют информанты, первичная политическая социализация которых пришлась на 1990-е гг. Свое детство информанты описывают как «сложное», «счастливое, но непростое», отмечая, прежде всего, экономические трудности, которые преодолели их родителям для того, чтобы обеспечить достойный уровень жизни своим детям: *«Родители всегда очень много работали, чтобы у нас что-то было, чтобы нас выучить... У меня какие-то нехорошие воспоминания о 1990-х, я не видела в стране ничего перспективного...»* (женщина, 1986 г.р., Мариуполь); *«Это был не самый легкий период для государства и для нашей семьи, я помню моменты, когда не хватало денег в семье на продукты, детям на игрушки»* (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Родительскую семью информанты описывают как традиционную, в которой родители пользуются несомненным авторитетом, а в воспитании детей активную роль играли бабушки и дедушки (за редким исключением), которые культивировали в семье ценности труда, интернационализма, уважения к своей родине и к культурам других национальностей, миру и справедливости: *«Детство было самое лучшее, родители дали мне все, что могли дать своему ребенку: любовь, теплоту, заботу... были и остаются большим авторитетом, друзьями и примерами в жизни... Прабабушка говорила мне: “внучечка, главное — чтобы не было войны!”, а я думала — ну какая война в моей стране, откуда? А вот как все обернулось! Теперь мы своим детям желаем того же — чтобы не было войны»* (женщина, 1995 г.р., Луганск).

В отличие от описанной ранее модели политической ресоциализации для информантов, рожденных в 1990-х гг. школа не воспринимается как институт, осуществляющий функции целенаправленной политической социализации: *«Мое детство прошло в условиях распада того, что было создано ранее, в период какой-то пустоты, когда старое уже было разрушено, а новое не было создано»* (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Информанты отмечают отсутствие детских или юношеских общественно-политических организаций, их место в системе политической социализации занимают политически нейтральные общественные активности, инициированные

системой образования: «*Политических организаций в школе не было, мы состояли в школьной организации “Дети будущего”, мы там пели, танцевали, сценки разыгрывали*» (женщина, 1995 г.р., Луганск). Активный политический дебют у представителей этого поколения состоялся в юношеском, студенческом возрасте, либо по политическим (выступали в поддержку партий и кандидатов, которые отстаивали интересы жителей Восточной Украины), либо по прагматическим (возможность заработать в избирательных кампаниях) соображениям: «*Мне хотелось новый телефон, мне было 18 лет. Из этих побуждений я согласилась — раздавала листовки, так многие зарабатывали. Было весело. Жили в палатке, как приключение было*» (женщина, 1995 г.р., Луганск); «*Я была активно вовлечена в мероприятия по развитию гражданского общества в Украине, много ездила по регионам, на конференции. Но к 2013 г. стала понимать, к чему ведет это обучение и перестала в этом участвовать*» (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Информанты этого поколения новых граждан России в детстве своей страной (Родиной) считали Украину: «*Своей страной в детстве считала Украину, точнее — Крым, он ведь был автономной республикой при Украине. Я до сих пор люблю украинский язык, для меня это язык милозвучный, но нем говорят мои бабушка и дедушка, на нем прошло все мое детство*» (женщина, 1992 г.р., Крым); «*В детстве я жила в Украине, ее считала своей страной, но ближе — мой поселок, Луганская область — это моя Родина. Когда все началось (в 2014) было страшно и хотелось убежать куда-то. Но тут у меня все: родители, бабушки, дедушки, тети, дяди, родители мужа, дом, любимая работа... не смогла бросить и уехать*» (женщина, 1995 г.р., Луганск).

Присутствует рефлексия, разделение в ядре политической картины мира «*страны*» и «*политиков, которые ее разрушили*»: «*Есть чувство горечи о том, что случилось с украинским государством, в котором прошло мое детство и юность. Мне казалось, что оно должно вместе со мной расти и цвести, а не случилось. Печально наблюдать за тем, что происходит, но у меня нет отрицательного отношения к Украине, есть отрицательное отношение к ее политикам, которые довели страну до такого состояния*» (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР).

Часть из них рассматривали и даже активно готовились к смене гражданства и выезду из страны в Европу: «*Я поступила на факультет филологии, знала английский, болгарский, четко готовила себя к тому, что уеду в Европу, как многие мои ровесники... хотела поменять страну... но потом во взрослом возрасте все устаканилось, полюбила человека, вышла замуж, родился ребенок, от политики как-то отстранилась. Просто знали, что в Киеве что-то происходит, но думали, что наш Президент Янукович со всем справится, у него армия, силовые структуры... но потом все пошло не так*» (женщина, 1986 г.р., Мариуполь).

События первого десятилетия 2000-х информанты считают поворотной точкой в изменении политической картины мира. Например, уход В. Ф. Януковича считают своего рода предательством, после которого доверие к власти (ядро политической картины мира) было разрушено: «*Но перевернуло наше мировоззрение полностью, когда он (Янукович) ушел из власти резко и вообще покинул страну, а потом — 9 Мая в Мариуполе, когда расстреляли нашу мирную демонстрацию, это повергло всех в шок, и тогда мы задумались о смене страны... мы понимали, что если мы сейчас не встанем, не подыдемся, то произойдет что-то страшное, так и случилось*» (женщина, 1986 г.р., Мариуполь).

Ключевым событием, которое спровоцировало значимые изменения в уже сформированной политической картине мира, большинство информантов этого поколения новых граждан считают события 2014 г., которые в той или иной степени коснулись каждого из них: *«Мы уехали, когда первые бомбы упали в Мариуполе, когда мы поняли, что наша страна (Украина) решила нас убить. Как можно оставаться в стране, в которой твоя армия, твои солдаты, которые вроде тебя должны защищать, убивают тебя и твоих близких? За то, что ты говоришь на своем родном языке и помнишь историю и подвиги своих предков? Когда Крым забрали без единого выстрела, мы так радовались и ждали, что нас тоже вот так заберут, раз мы Украине не нужны...»* (женщина, 1986 г.р., Мариуполь); *«Я сидела в подвале и молилась, папа с мужем были на работе, а над головой летели ракеты, грады и было очень страшно. Это было 8 августа, а 10 у меня день рождения... я рыдала и думала, что не доживу и не понимала, в чем же мы виноваты, почему они решили нас убить?»* (женщина, 1995 г.р., Луганск).

В зависимости от региона проживания представители этой траектории изменили гражданство в 2014 (Крым) или в 2022 г. (Херсон, Запорожская область). Решение о смене гражданства для всех участников исследования было обдуманным и добровольным, вместе с тем во многом прагматичным: *«Мы решили присоединиться к России, чтобы появился свет в конце туннеля... чтобы были полностью защищены... Своя страна должна давать защиту»* (женщина, 1995 г.р., Луганск); *«Я осталась здесь, на этой стороне, не только физически (на этой территории), но и в плане своего сознания. Я выбрала для себя эти ценности, эти ориентиры»* (женщина, 1987 г.р., г. Антрацит, ЛНР); *«Решение сменить гражданство было принято в 2014 году, когда украинская власть решила нас обтянуть колючей проволокой и сказала, что мы никчемные алкоголики, а дети наши должны сидеть в подвалах»* (женщина, 1989 г.р., ЛНР).

Эмоциональный контекст смены гражданства для представителей этого поколения описывается довольно противоречивой палитрой чувств: от сожаления об утрате Родины, которая не оправдала надежд, до облегчения и радости. Такая же противоречивая картина рефлексии собственной жизненной траектории: от *«возвращения в СССР»* (о котором знают по рассказам родителей), *«вступления в Россию»* до *«уехали из страны, в которой нет будущего для наших детей»* и состояния, которое говорит об активной фазе ресоциализации. *«Растерянность от того, что не знаешь, куда двигаться дальше, на что ориентироваться, потому что нет безопасного расстояния, нет ощущения, что все хорошо»* (женщина, 1986 г.р., Мариуполь).

Практически все информанты, представляющие это поколение, отмечают ситуацию ценностного разлома внутри семьи, связанного с полярными оценками и восприятием ситуации СВО и присоединения новых территорий к РФ, а также принятием ими российского гражданства: *«До этого (СВО) в нашей семье разногласий не было, у меня есть родственники и на Западной Украине, и в Харькове. Но после 2022 г. они нас стали винить в том, что случилось»* (женщина, 1995 г.р., Луганск); *«Российский паспорт я смогла получить только в 2019 г., потому что мой бывший муж был против и не давал доверенности на ребенка, без которой это сделать было невозможно и для меня, и для сына»* (женщина, 1989 г.р., ЛНР).

Нынешняя политическая картина мира представителей этого поколения весьма противоречива: часть информантов имеют системные знания о политике,

политической системе России и высокий уровень доверия к самой системе и ключевым политическим фигурам. Вместе с тем, другая часть демонстрирует весьма фрагментарные представления о политике, политической системе России, отсутствие доверия к системе власти и отсутствие какой-либо субъектной гражданской позиции.

Ценностными доминантами политической картины мира представителей этого поколения служат свобода, демократия, права человека, материальный достаток и справедливость.

Своей страной в настоящее время представители этого поколения считают Россию, как правило, подчеркивая собственную региональную идентичность (Крым, например): *«У нас, у крымчан, нет такого представления, что мы чьи-то вообще. Мы сами — автономная республика. Были раньше под Украиной, а теперь — мы с Россией. Но мы как жили, так и продолжаем жить, только в другом государстве. А Родина и своя страна для меня — Крым»* (женщина, 1992 г.р., Крым).

Если в предыдущей модели пространственное восприятие своей страны характеризуется как «собрание ранее разломанного государства», то представители этого поколения, наоборот, говорят о «разломе Украины». В любом случае во всех моделях происходит пространственное переконструирование представлений о своей стране (ядра политической картины мира).

Таким образом, на протяжении пока непродолжительной жизненной траектории этого поколения ключевым политическим событием, ставшим катализатором процессов политической ресоциализации, стали события 2014 г., связанные с ущемлением прав русскоязычного населения регионов Восточной Украины и началом СВО. Для части информантов этого поколения процесс политической ресоциализации еще не завершен: *«Я считаю, что человек, который умеет изменить свою позицию, это мудрый, грамотный человек, потому что, если ты не меняешь, когда все вокруг меняется»* (женщина, 1989 г.р., Луганск).

Эту траекторию трансформации политической картины мира мы определяем как линейную политическую ресоциализацию, в результате которой произошло значимое изменение представлений о своей стране, власти и государстве, а сложившуюся нынешнюю конструкцию ядра политической картины мира можно охарактеризовать как неустойчивую, характеризующуюся кардинальной трансформацией представлений о своей стране, власти и государстве, сформированных на первичном этапе политической социализации с рефлексией актуального политического контекста.

Политическая адаптация без политической ресоциализации

Эту траекторию демонстрируют информанты, представляющие разные поколения — старшее (1960–1970-х гг. рождения), и более молодое поколение (1980–1990-х гг. рождения). В этой связи интересно определить факторы, обусловившие устойчивость политической картины мира.

Сформированные в период первичной политической социализации представления о своей стране (СССР или России как его ценностной преемнице) не изменились, а происходившие политические трансформации они описывают так *«С развалом Советского Союза у меня не было ни секунды моей жизни, в которой я бы отсек свою историю и принял то, что с этого момента Украина — наше ВСЕ... В 1991 г. нас совершенно мошенническим способом поставили перед фактом о том,*

что мы теперь жители и граждане другой страны, а мы гражданства своего не меняли... В Украине тех, кто перешел после начала СВО на сторону Российской Федерации, стали называть предателями Украины... Да я не мог ее предать никаким техническим способом, поскольку я ее не принимал. Моя страна осталась там, в 1991 г., а ее преемницей стала Россия» (мужчина, 1970 г.р., Херсон); «Мы все эти годы жили на территории не нашего государства, но имели по странности, его паспорт» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Участники исследования с сожалением описывают события, связанные с распадом СССР, которые потребовали впоследствии от них больших усилий для того, чтобы сохранить без критических изменений свои политические представления: «Когда в 1991 г. мы полунасиленным путем были переданы Украине, у меня было ощущение, что что-то пошло не так. Но я не мог тогда понять, что и насколько. То есть я понимал, что мы чего-то серьезного лишились, хотя еще по инерции у нас оставались прозрачные границы внутри бывшего Советского Союза. Но при этом мы уже ощущали, как подняли головы националисты всех мастей... Было ощущение какой-то пустоты, потери... когда ты стараешься не думать, не чувствовать, потому что, если анализировать, понимаешь, что перспективы никакой нет» (мужчина, 1970 г.р., Херсон).

Информанты описывают свое детство как счастливое, заложившее основные человеческие и политические ценности на всю оставшуюся жизнь: «Детство любого советского ребенка было счастливым... Если это была нормальная советская семья, то у нас было счастливое детство. Мы знали друг друга, мы жили какой-то многонациональной семьей... не было поводов для социального расслоения, каких-то конфликтов на этой почве...и самое главное — детство было построено на прямом общении между старшим и младшим поколением, мы крутились вокруг своих родителей, нам было все интересно... если родители брали тебя на работу, это был праздник, побыть у мамы на почте или посмотреть, как отец работает за токарным станком... Так формировались ценности, в ближайшем окружении... В моем детстве было четко понятно, что, выходя на улицу надо уважать своих товарищей, нельзя грубить, обижать, потому что просто дадут в морду, так мы учились взвешивать свои слова и отвечать за свои поступки...» (мужчина, 1970 г.р., Херсон); «Детство наше было абсолютно связано с политическим строем нашей страны и с общественным строем нашей страны» (мужчина, 1970 г.р., Херсон).

Родители и другие старшие члены семьи были в детстве авторитетом: «Мой отец — это человек, который дал мне своей жизнью, своим образом мышления тот стержень, который есть во мне сейчас» (мужчина, 1970 г.р., Херсон) и именно они были значимыми агентами формирования таких представлений о своей стране (даже у поколения, которое Советский Союз не застало): «Большое влияние оказали бабушки и дедушки, которые рассказывали и очень сильно погружали в эпоху Советского Союза, где никогда не выделяли какие-то республики как хорошие или плохие и не выделяли какой-то язык как хороший или плохой... Мы разные — и в этом наша сила, вот о чем они нам рассказывали... Конечно, это кардинально отличалось от ценностей, которые стали потом транслироваться украинскими властями...» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

У информантов, которые демонстрируют эту траекторию политической адаптации вне зависимости от возраста, был важный опыт передачи ценностей и традиций предыдущих поколений в школьном возрасте: «Мы делали много интересных

проектов в городе... Мы помогали ветеранам, в то время были живы еще много ветеранов, за каждым классом был закреплен ветеран. И герои наши — шахтеры, поэтому мы тоже помогали им и чествовали ветеранов шахтерского дела. Мальчишки косили траву, готовили дрова на зиму, топили печи. Девчонки помогали с уборкой в комнатах, готовили еду» (женщина, 1987 г.р., Луганск).

Важным объединяющим фактором все информанты отмечают принадлежность к единому социокультурному, языковому пространству: *«Мы взаимосвязаны, у нас был общий русский язык. Никого не плющило и не корежило от того, что мы говорим на этом языке, как плющит и корежит некоторых сейчас в Украине... А ведь самое забавное, что даже те самые радикальные украинские националисты, приходя домой, переходят на русский язык...» (мужчина, 1970 г.р., Херсон).* Информанты рефлексировали попытки политической социализации молодежи в рамках постсоветской Украины: *«После 2005 г. оранжевая революция стала заходить в школы. Как я уже сейчас понимаю, много чего пытались внедрить в школах, меняя учебные планы, увеличивая количество часов украинского языка, хотя у нас вообще русскоговорящий город и практически никто на украинском не говорит, это и стало причиной событий, которые впоследствии произошли... Эта украинизация “через колено” происходила...» (женщина, 1987 г.р., Луганск).*

Информанты, придерживающиеся этой траектории политической адаптации, демонстрируют активную и сознательную поведенческую модель в юношеском возрасте: *«Я помню, к нам приходили в вуз представители всех политических сил: и голубых Януковича, и оранжевых. И те и другие предлагали студентам апельсины, деньги, плюшки разные, просто чтобы мы вышли на митинги и постояли. Для нас это было смешно и дико, никто не соглашался. Но потом мне многие рассказывали, что для студентов это была просто форма заработка» (женщина, 1987 г.р., Луганск).*

Неудачные попытки политической социализации в политической системе Украины информанты связывают со значимыми ценностными несовпадениями: *«Я помню, на первом курсе на истории в 2005/2006 учебном году мы изучали на украинском языке книгу Кучмы “Украина не Россия”. Она тогда очень активно пропагандировалась среди молодежи, там была идея о том, что украинцы уникальны, имеют какие-то особые качества, и поэтому никак не являемся частью России. Дичь какая-то, в нашей среде это именно так воспринималось...» (женщина, 1987 г.р., Луганск).*

Среди факторов, которые обусловили устойчивость политической картины мира к попыткам ее изменить в политической системе Украины, информанты относят: авторитетное влияние семьи (нескольких старших поколений), которое проявлялось в том, что в семье обсуждались темы, связанные с политикой; сформированная еще в детстве активная субъектная позиция в общественно-политической жизни, лидерская включенность в общественные проекты в детстве и юношеском возрасте; влияние значимых институтов политической (служба в Советской Армии) и профессиональной (журналистская деятельность; педагогическая деятельность) социализации.

Эти факторы сформировали устойчивую политическую картину мира и послужили препятствием для всех попыток украинской политической системы трансформировать сознание молодых граждан, развили способность к критическому восприятию происходящих политических событий: *«Я слышал, что*

зависть — чувство раба. Рабом я никогда не был и не буду, но именно это чувство я испытывал, глядя на то, в какую пропасть скатываемся мы в Украине, а точнее — нас скатывает руководство страны, которое ведет страну на погибель... При этом я наблюдал, что происходит в России, и понимал, что такого в России никогда не будет, потому что ни страна, ни ее лидер не позволят скатиться в рабство... Вот этому завидовал» (мужчина, 1970 г.р., Херсон); «С российским гражданством у меня связаны такие чувства, как радость и гордость от того, что — гражданин большой, великой, сильной страны с глубокими историческими корнями, которая ведет боевые действия, но за свою территорию, за своих людей» (мужчина, 1970 г.р., Херсон).

Несмотря на разные поведенческие установки информантов во взрослом возрасте (политический деятель и нейтральный наблюдатель происходящих политических событий), когнитивные аспекты политической картины мира информантов можно охарактеризовать как глубокие и системные знания о политике, аффективные аспекты характеризуются высоким уровнем доверия к политическим институтам и политическим лидерам, признанием значимой роли как простых граждан, так и политических лидеров в политике, а ценностный спектр сконцентрирован на традиционных ценностях.

Смену гражданства (принятие российского гражданства) информанты оценивают эмоционально позитивно, но скорее как формальность, которая закрепила юридически их представления о том, что они (вслед за старшим поколением их близких) являются «гражданами большой великой страны».

Эту траекторию изменения политической картины мира мы определяем как политическую адаптацию, в результате которой значимых изменений представлений о своей стране, власти и государстве не происходило; нынешняя конструкция ядра политической картины мира в настоящий момент устойчива; кардинальных трансформаций представлений о своей стране, власти и государстве, сформированных на первичном этапе политической социализации, не происходило, а поведенческие установки характеризуются рефлексией актуального политического контекста и субъектной политической позицией.

Субъективное пространство политики, то, что «происходит в головах у людей», является важной частью реальной политики. В настоящее время происходят важные трансформации этого пространства (и субъективного, и реального), понимание которых крайне необходимо, чтобы процесс трансформации и институционализации был относительно управляемым.

В рамках нашего исследования когорты взрослых выявлены три наблюдаемые сегодня траектории трансформации политической картины мира, две из которых — циклическая и линейная ресоциализация — отражают существенные изменения в политических представлениях и установках относительно политической системы; а одна — пример трансформации представлений, не затрагивающих идентитарное ядро политической картины мира. Следует отметить, что описанные траектории только в основных контурах и не исчерпывающе определяют направления трансформации политической картины мира людей, которые волею судьбы оказались в разломах политического и социокультурного пространства. Российскими учеными были опрошены только те информанты, которые пожелали участвовать

в исследовании (не попали информанты — носители не конвенциональных отно- сительно России, проукраинских установок). Продолжение исследований в этом направлении позволит более детально описать их спектр и дифференциацию.

Вместе с тем проблематика политической ресоциализации и политической адаптации граждан касается не только взрослых и старшей молодежи новых тер- риторий России, а выходит за пределы присоединенных территорий, поскольку развернувшиеся после 2014 г. (особенно — после 2022 г.) события, в которые вов- лечены многие российские семьи, являются значимым (зачастую травматичным) фактором, влияющим на изменения установок относительно политической си- стемы во взрослом возрасте.

Библиографический список

- Адлер, А. (2003). *Практика и теория индивидуальной психологии*. Москва: Питер.
- Алферов, Ю. А. (1994). *Пенитенциарная социология и перевоспитание осужденных*. Домодедово: Респ. Ин-т повышения квалификации работников МВД РФ.
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности: трактат по социо- логии сознания*. Москва: Медиум.
- Блумер, Г. (1984). Общество как символическая интеракция. В *Современная зарубежная со- циальная психология* (с. 173–179). Москва: Издательство Московского университета.
- Бродовская, Е. В. (2012). Влияние посткоммунистической трансформации системы идентич- ностей на процесс политической ресоциализации граждан: анализ базовых тенденций. *Ценности и смыслы*, 5(21), 37–50.
- Гидденс, Э. (1995). *Модерн и самоидентичность*. Москва: ИНИОН РАН.
- Головин, Н. А. (2004). *Теоретико-методологические основы исследования политической соци- ализации*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Дюркгейм, Э. (2019). *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. Москва: Юрайт.
- Еникеев, Е. М. (1982). О современном состоянии и перспективах развития юридической психологии. *Психологический журнал*, 3, 108–120.
- Еникеев, Е. М., Кочетков, О. Л. (1997). *Общая, социальная и юридическая психология*. Москва: Юрид. Лит.
- Крайнова, Н. А. (2002). *Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц* (автореферат кандидатской диссертации). Владивосток.
- Кузнецов, П. С. (2000). *Социологическая теория социальной адаптации* (докторская диссер- тация). Саратов.
- Лемищак, Е. М. (2014). Интеграционный подход к определению термина «ресоциализация». *Балтийский гуманитарный журнал*, 2, 24–27.
- Маслоу, А. (1999). *Новые рубежи человеческой природы*. Москва: Смысл.
- Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. Москва: АСТ.
- Миклашевич, М. (2017). От пенитенциарной ресоциализации к ресоциализации постпени- тенциарной. В *Уголовное право, уголовный закон: теория и практика* (с. 163–170). Санкт- Петербург: СПбГЭУ.
- Милорава, А. Р. (2017). Проявление политической ресоциализации в Российской Федерации. *Молодой ученый*, 14(148), 573–575.
- Парсонс, Т. (2008). Социальные системы. *Вопросы социальной теории*, 2(1–2), 38–71.
- Пиаже, Ж. (1969). *Избранные психологические труды*. Москва: Просвещение.
- Реан, А. А., Кудашев, А. Р., Баранов, А. А. (2006). *Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика*. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК.

- Роджерс, К. (2013). *Гуманистическая психология: теория и практика*. Москва: МПСУ.
- Самаркина, И. В. (2006). Политическая ресоциализация: актуальный контекст исследования. *Южно-российский журнал социальных наук*, 4, 139–147.
- Самаркина, И. В. (2017). Политическая картина мира. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность. Общество. Политика* (с. 392–399). Москва: Весь Мир.
- Самаркина, И. В., Башмаков, И. С., Кузьменко, Н. П. (2024). Формирование гражданской идентичности в системе образовательной политики в условиях трансформации политического пространства. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 18(3), 133–143.
- Стручков, Н. А. (1984). *Курс исправительно-трудового права. Проблемы общей части*. Москва: Юрид. лит.
- Томас, У., Знанецкий, Ф. (1994). Методологические заметки. В *Американская социологическая мысль* (с. 182–194). Москва: МГУ.
- Фрейд, З. (1989). *Психология бессознательного*. Москва: Просвещение.
- Фромм, Э. (2006). *Иметь или быть*. Москва: Наука.
- Царегородцева, Г. И. (ред.) (1975). *Философские проблемы теории адаптации*. Москва: Мысль.
- Шестопад, Е. Б. (1988). *Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации*. Москва.
- Шестопад, Е. Б. (2000). *Психологический профиль российской политики 1990-х*. Москва: РОССПЭН.
- Шестопад, Е. Б. (2005). Политическая социализация и ресоциализация в современной России. *Журнал политической философии и социологии политики*, 4, 48–69.
- Шестопад, Е. Б., Зверев, А. Л., Селезнева, А. В. (2008). *Политическая социализация российских граждан в период трансформации*. Москва: Новый Хронограф.
- Шибутани, Т. (1998). *Социальная психология*. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Щербинин, А. И. (2009). Конструирование образа (на примере выстраивания концепта Родины). *АРТМАРКЕТИНГ*, 4(28), 19–27.
- Южанин, В. Е. (1992). *Процесс ресоциализации и его обеспечение в уголовном судопроизводстве*. Рязань: РВИШ МВД РФ.
- Allport, G. W. (1961). *Pattern and Grow Thin Personality*. New York: Holt Rinehart and Winston.
- O'Donnell, G., Schmitter, P. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025

Статья принята к публикации 24.04.2025

NEW CITIZENS OF RUSSIA: EXPERIENCE OF RESEARCHING THE TRAJECTORIES OF POLITICAL RESOCIALIZATION AND ADAPTATION

I. V. Samarkina, T. T. Gogishvili

Irina V. Samarkina

E-mail: smrkn@mail.ru. ORCID 0000-0001-8458-2447

Tamara T. Gogishvili

E-mail: toma.gogishvili.84@mail.ru. ORCID 0009-0008-0982-2023

Kuban State University, Stavropolskaya str., 149, Krasnodar, 350040, Russia

Abstract. The article presents the results of understanding the processes of transformation of the political worldview of adult residents of the new territories of Russia who took Russian citizenship after 2014. The theoretical model used by the authors is based on political-psychological, identitarian and spatial approaches. In the author's interpretation, political re-socialization is interpreted as a process of changing the core (ideas about Homeland, state and government) and basic (key cognitive, affective and behavioral attitudes towards the political system), formed in the processes of primary political socialization, components

of the political picture of the world under the influence of a multi-level system of factors and institutions. The empirical basis of the study consisted of 30 in-depth autobiographical interviews with citizens of the Russian Federation who received Russian citizenship after 2014, living in the territories of subjects that became part of Russia after 2014, collected as part of the implementation of the state. The authors have identified and described three trajectories of changing the political picture of the world: cyclical political re-socialization, linear political re-socialization, and political adaptation without political re-socialization.

Keywords: political re-socialization, political socialization, political adaptation, political worldview, new citizens of the Russian Federation.

For citation: Samarkina I. V., Gogishvili T. T. New Citizens of Russia: Experience of Researching the Trajectories of Political Resocialization and Adaptation. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2025. Vol. 26. No. 2. Pp. 53–71.

References

- Adler, A. (2003). *Praktika i teoriya individualnoi psikhologii* [The Practice and Theory of Individual Psychology]. Moskva: Piter.
- Alferov, Yu. A. (1994). *Penitentsiarnaya sotsiologiya i perevospitanie osuzhdennykh* [Penitentiary Sociology and Re-education of Convicts]. Domodedovo: Resp. In-t povysheniya kvalifikatsii rabotnikov MVD RF.
- Allport, G. W. (1961). *Pattern and Grow Thin Personality*. New York: Holt Rinehart and Winston.
- Berger, P., Luckmann, T. (1995). *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: traktat po sotsiologii soznaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moskva: Medium.
- Blumer, G. (1984). Obshchestvo kak simvolicheskaya interaktsiya [Society as Symbolic Interaction]. In *Sovremennaya zarubezhnaya sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology] (pp. 173–179). Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Brodovskaya, E. V. (2012). Vliyaniye postkommunisticheskoy transformatsii sistemy identichnosti na protsess politicheskoy resotsializatsii grazhdan: analiz bazovykh tendentsiy [Influence of Postcommunist Transformation Systems of Identities on The Process Political Resocialization Citizens: The Analysis of Base Tendencies]. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 5(21), 37–50.
- Dyurkgeim, E. (2019). *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, and Purpose.]. Moskva: Yurait.
- Enikeev, E. M. (1982). O sovremennom sostoyanii i perspektivakh razvitiya yuridicheskoy psikhologii [Modern State and Prospectives of Development of Psychology of Law]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 3, 108–120.
- Enikeev, E. M., Kochetkov, O. L. (1997). *Obshchaya, sotsial'naya i yuridicheskaya psikhologiya* [General, Social and Legal Psychology] (Abstract of a Candidate's Dissertation). Moskva: Yurid. Lit.
- Freud, Z. (1989). *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Moskva: Prosveshchenie.
- Fromm, E. (2006). *Imet' ili byt'* [To Have or To Be]. Moskva: Nauka.
- Giddens, E. (1995). *Modern i samoidentichnost'* [Modernity and Self-Identity]. Moskva: INION RAN.
- Golovin, N. A. (2004). *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya politicheskoy sotsializatsii* [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of Political Socialization]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Krainova, N. A. (2002). *Problemy resotsializatsii neodnokratno sudimyykh lits* [Problems of Resocialization of Repeatedly Convicted Persons] (Abstract of a Candidate's Dissertation). Vladivostok.
- Kuznetsov, P. S. (2000). *Sotsiologicheskaya teoriya sotsial'noi adaptatsii* [Sociological Theory of Social Adaptation] (Doctoral Dissertation). Saratov.
- Lemishchak, E. M. (2014). Integratsionnyi podkhod k opredeleniyu termina “resotsializatsiya” [Integrative Approach to the Definition of Re-Socialization]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2, 24–27.

- Maslow, A. (1999). *Novye rubezhi chelovecheskoi prirody* [The Farther Reaches of Human Nature]. Moskva: Smysl.
- Merton, R. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moskva: ACT.
- Miklashevich, M. (2017). Ot penitentsiarnoi resotsializatsii k resotsializatsii postpenitentsiarnoi [From penitentiary resocialization to post-penitentiary resocialization]. In *Ugolovnoe pravo, ugovnyi zakon: teoriya i praktika* [Criminal Law, Criminal Law: Theory and Practice] (pp. 163–170). Sankt-Peterburg: SPBGEHU.
- Milorava, A. R. (2017). Proyavlenie politicheskoi resotsializatsii v Rossiiskoi Federatsii [Manifestation of Political Resocialization in the Russian Federation]. *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 14(148), 573–575.
- O'Donnell, G., Schmitter, P. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Parsons, T. (2008). Sotsial'nye sistemy [Social Systems]. *Voprosy sotsial'noi teorii* [Scientific Almanac Questions of The Social Theory], 2(1–2), 38–71.
- Piazhe, Zh. (1969). *Izbrannye psikhologicheskie Trudy* [Selected Psychological Works]. Moskva: Prosveshchenie.
- Rean, A. A., Kudashov, A. R., Baranov, A. A. (2006). *Psikhologiya adaptatsii lichnosti. Analiz. Teoriya. Praktika* [Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice]. Sankt-Peterburg: Prain-EVROZNAK.
- Rodgers, K. (2013). *Gumanisticheskaya psikhologiya: teoriya i praktika* [Humanistic Psychology: Theory and Practice]. Moskva: MPSU.
- Samarkina, I. V. (2006). Politicheskaya resotsializatsiya: aktual'nyi kontekst issledovaniya [Political Resocialization: The Current Context of Research]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 4, 139–147.
- Samarkina, I. V. (2017). Politicheskaya kartina mira [Political Picture of the World]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost'. Obshchestvo. Politika* [Identity: The Individual, Society, and Politics] (pp. 392–399). Moskva: Ves' Mir.
- Samarkina, I. V., Bashmakov, I. S., Kuz'menko, N. P. (2024). Formirovanie grazhdanskoi identichnosti v sisteme obrazovatel'noi politiki v usloviyakh transformatsii politicheskogo prostranstva [Formation of Civil Identity in the Educational Policy System in the Context of Transformation of the Political Space]. *Evrasiiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika* [Eurasian Integration: Economics, Law, Politics], 18(3), 133–143.
- Shcherbinin, A. I. (2009). Konstruirovaniye obraza (na primere vystraivaniya kontsepta Rodiny) [Image Construction (Based on the Construction of the Concept of the Motherland)]. *ARTMARKETING* [ARTMARKETING], 4(28), 19–27.
- Shestopal, E. B. (1988). *Lichnost' i politika: Kriticheskii ocherk sovremennykh zapadnykh kontseptsii politicheskoi sotsializatsii* [Personality and Politics: A Critical Essay on Contemporary Western Concepts of Political Socialization]. Moskva.
- Shestopal, E. B. (2000). *Psikhologicheskii profil' rossiiskoi politiki 1990-kh* [Psychological Profile of Russian Politics of the 1990s]. Moskva: ROSSPEHN.
- Shestopal, E. B. (2005). Politicheskaya sotsializatsiya i resotsializatsiya v sovremennoi Rossii [Political Socialization and Resocialization in Modern Russia]. *Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki* [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics], 4, 48–69.
- Shestopal, E. B., Zverev, A. L., Selezneva, A. V. (2008). *Politicheskaya sotsializatsiya rossiiskikh grazhdan v period transformatsii* [Political Socialization of Russian Citizens during the Period of Transformation]. Moskva: Novyi Khronograf.
- Shibutani, T. (1998). *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Rostov-na-Donu: Feniks.
- Struchkov, N. A. (1984). *Kurs ispravitel'no-trudovogo prava. Problemy obshchei chasti* [Course of Correctional Labor Law. Problems of the General Part]. Moskva: Yurid. lit.

- Tomas, U., Znanetskii, F. (1994). Metodologicheskie zametki [Methodological Notes]. In *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought] (pp. 182–194). Moskva: MGU.
- Tsaregorodtseva, G. I. (Ed.) (1975). *Filosofskie problemy teorii adaptatsii* [Philosophical Problems of Adaptation Theory]. Moskva: Mysl'.
- Yuzhanin, V. E. (1992). *Protsess resotsializatsii i ego obespechenie v ugolovnom sudoproizvodstve* [The Process of Resocialization and Its Support in Criminal Proceedings]. Ryazan': RVSH MVD RF.

Received 20.02.2025

Accepted 24.04.2025

© 2025 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license – <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>